

ВАЖНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Формально составителем этой антологии указан Парфенов М. С.— на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель СПб» Ирину Епифанову и Координатора отбора Ирину Парфенову, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям — из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, которые читают сотни присланных в ССК историй и голосуют за те, которые им понравились. Каждый наш ежегодник собран по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой таргет-группой) этой антологии являются:

- Алексей Питикин (Москва)
- Анастасия Жаркова (Ухта, Республика Коми)
- Антон Каштанов (Санкт-Петербург)
- Валентин Марудов (Москва)
- Валентина Баринова (Тверь)
- Валерия Иванцева (Иваново)
- Василиса Чайникова (Челябинск)
- Вероника Рязанова (Красково, Люберцы)
- Виктор Гофман (Караганда, Республика Казахстан)
- Виталий Бусловских (Новосибирск)
- Владислав Ерафонов (Набережные Челны,
Республика Татарстан)
- Денис Козлов (Рязань)
- Диана Шарапова (Нягань, ХМАО-Югра)
- Евгений Гайбарян (Москва)
- Евгения Климова (Иваново)
- Егор Артемов (Горловка,
Донецкая Народная Республика)
- Илья Окунев (Щелково)
- Илья Старовойтов (Курган)

Ирина Рудакова (Нижний Новгород)
Ирина Топунова (Москва, Подольск)
Лариса Крючкова (Москва)
Любовь Болюкина (Краснокамск)
Любовь Буданова (Москва)
Людмила Кшевинская (Москва)
Маргарита Семенова (Барнаул)
Михаил Погребной (Краснодар)
Николай Едомин (Николаев, Украина)
Николай Чекмарев (п. Хвойная)
Ольга Гурьянова (Казань, Республика Татарстан)
Ольга Кирьянова (Санкт-Петербург)
Сергей Филиппов (Тюмень)
Татьяна Хаданович (Минск, Белоруссия)
Ульяна Рущенко (Ейск)
Филипп Герасименко (Невинномысск)
Юлия Балабанова (Санкт-Петербург)

Спасибо им за труды!

А еще каждый год таргет-группа обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького». Каждый год мы экспериментируем, совершенствуя нашу систему отбора для того, чтобы подарить вам очередную «самую страшную» книгу.

Мы называем наши издания так не потому, что считаем их действительно САМЫМИ страшными из всех. Мы называем их так потому, что ЛЮБОЙ читатель найдет здесь что-то, что ему понравится. Такую историю или истории, которые напугают персонально его.

Персонально ТЕБЯ.

АЛЕКСЕЙ ИСКРОВ

ФРАГМЕНТЫ

Первый

...Их всегда было трое. Петух, собака и свинья. С криком петуха приходит темнота. Собачий лай прогоняет чужих. А свинья...

Свинья ест.

Второй

...Василий закричал, попятился и выскочил из квартиры, на автомате захлопнул за собой дверь. Прислонился к стене, согнулся, тяжело дыша и всхлипывая.

Пришло ледяное осознание реальности происходящего, до этого все воспринималось как сквозь мутное стекло.

В ушах еще звучали чавканье и треск костей.

Свет на лестничной клетке погас.

Паника сдавила грудь.

Василий вскрикнул и махнул рукой, будя лампу. Она вспыхнула ровным холодным светом.

Пока свет горел. Но скоро перестанет.

Драгоценные секунды убегали — не отмотать назад, жизнь — не футаж¹ на монтажном столе.

Василий распрямился, поморщился от боли в спине (об стену он приложился хорошенько), вытер лицо краем футболки и...

¹ *Футаж* — необработанный фрагмент видео.

Третий

...повесил трубку. Толик забил мозги, он горел от нетерпения, как ребенок, приплясывающий в ожидании подарка на день рождения. Это начинало раздражать.

Василий посидел на кухне, листая ленту новостей, дождался визга чайника, залил кофе и вернулся в комнату.

На разобранной кровати, опираясь на подушку, сидел плюшевый розовый медвежонок с красным бантом, Василий подмигнул ему, поднял, локтем выключил свет и сел за компьютер. Поставил чашку на стол, медведя посадил на колени.

Сияние двух мониторов пленкой легло на лицо. Василий надел наушники, отхлебнул кофе, погладил медведя по голове.

На первом мониторе было открыто монтажное окно Premiere. Василий стал водить ползунком по ленте таймлайна снова и снова, ища место, подходящее для обрезки и вставки перехода. Мельком посмотрел на второй экран, где на паузе застыл черновой монтаж. Коричневая гэдээровская стенка с книгами и хрусталем смазана, изображение зернистое, покрытое артефактами. Это он вырежет.

Толик, конечно, постарался. Оцифровкой и реставрацией материала занимался он. Чудо, что кассеты сохранились, не размагнитились, не стали просто бесполезным куском пластика.

У Дианы Романовны была очень крутая VHS-камера, хотя тогда любая камера показалась бы им чудом. Она стала последним подарком от ухажера, крайне обеспеченного мужчины, который не любил говорить о своей работе, а если все же приходилось, путался в деталях.

Он знал о любви Дианы Романовны к кино. И мог бы стать ее супругом, если бы не погиб под колесами автомобиля.

Ей было за сорок, ближе к пятидесяти, муж умер рано, сын уехал искать счастья в столице, а последняя

вспышка надежды на тихое счастье растворилась в свете фар.

Как и многие взрослые, совершенно не понимая, что происходит вокруг, оглушенная временем — фрагмент старого мира, который ветер уже нес в новые, пугающие земли,— Диана Романовна просто по инерции продолжала заниматься тем, что лучше всего у нее получалось: преподавала в школе.

Возможно, Васька и Толик никогда не подружись бы с ней по-настоящему, если бы не видеосалон.

Тогда они уже отживали свое, магнитофоны стали доступнее. Впрочем, еще не настолько, чтобы стоять в каждом доме. Поэтому в темном подвальном помещении, где воняло сыростью и тальком, народу хватало. С экрана лилось кино, и постепенно не оставалось ничего, кроме него. Оно затягивало Ваську и Тольку в другие места, к другим людям. Там в небеса уходили небоскребы, словно вавилонские башни, там все были героями, никакой неопределенности, только твердое будущее и понятная цель, которую к финальным титрам красивые люди с экрана обязательно достигнут.

Друзья заметили учительницу на заднем ряду. Она устала в экран, приоткрыла рот и в этом мгновении преобразилась. Годы спали с нее, она стала на десяток лет моложе, чем женщина, что стояла днем у доски.

Почувствовав взгляд, Диана Романовна улыбнулась ребятам и помахала рукой.

После сеанса они втроем обсуждали фильм по дороге домой. И разницы лет между ними не было, они говорили на одном уровне, восхищенные, восторженные, спасенные от серости и пыли времени.

Разумеется, они подружились по-настоящему.

Примерно через год Диана Романовна подозвала друзей после урока и сказала, что ждет их вечером в гости.

Она жила в маленькой квартире с длинной гэдээровской стенкой. Диана Романовна открыла скрипнувшие дверцы и достала камеру. Друзья охнули в два голоса.

Диана Романовна показала им самое дорогое, что у нее было, и рассказала о своей мечте.

Она хотела снять кино. И просила их помочь.

— Хотите стать звездами экрана? — улыбалась она. Толик с Васькой, конечно же, хотели.

Василий уловил момент. Удалил ненужный фрагмент, вставил затемнение, закрыл глаза, прижал медвежонка к груди...

Четвертый

...Два мальчика, один худой и черноволосый, другой рыжий и полный, Васька и Толька, сидят на диване.

Полный всхлипывает и прикрывает лицо руками, но если остановить видео и посмотреть внимательно, то можно заметить, что мальчик улыбается, сдерживает смех.

Худой хлопает друга по плечу и нарочито бодро говорит:

— Ну, ты чего нюни развесил?!

— Задолбали они. Все! Вот почему я у тебя торчу? Эти проходу не дают, бабушка говорит, молиться надо, но бог не слышит. Не хочет он меня слышать!

Василий подумал, что они все-таки очень старались играть, хотя, разумеется, никаких театральных кружков не посещали. Искусственность чувствовалась во всем, но для безбюджетного дилетантского фильма вышло недурно, в их профанстве даже был своеобразный шарм. Как и в цифровых шумах, дрожании камеры, неумело взятых ракурсах. Музейная витрина, внутри которой навечно застыли дети, не подозревающие, какой окажется их долгая деформация во взрослых.

— Тогда зачем он нам? Мы придумаем своих богов.

— Каких?

— А каких хочешь!

Пятый

...Толик ждал у редакции канала, сидел на багажнике машины.

— Ну, как рабочий денек?

— Если бы не твоя рожа, прекрасно бы завершился.

— Давай в бар, я по пивасу, ты по квасу.

— Ты на машине.

— Так ты же по квасу! Не гондонься, авось, не забьл, как баранку крутить. Новости хорошие. Я нашел!

— Что именно? Если бабу, не поверю, прости.

— Кассеты.

Василий нахмурился, и Толик хлопнул его по плечу. На веснушчатом лице засияла такая широкая улыбка, что, казалось, харя вот-вот треснет.

— Кино! Что мы с Дианой Романовной снимали.

— Где? Я думал...

— Ну, допустим, не я нашел, а меня. Но это детали! — Толик вздохнул.— Сынок приезжал, квартиру продает, и они все время там, в комнате, приныканные лежали. Кассеты подписаны, типа, «Васька Долгов и Толька Репин — сцена третья», он и вспомнил, как мамка рассказывала, что учеников снимает. Нашел меня во «ВКонтакте», написал, мы созвонились. Предложил забрать, чтобы не выкидывать. А там все, что мы отсняли. И-и-и-и... вроде живое!

— После стольких лет? В пустой квартире? Разве пленка не размагничивается?

— Без перемотки — да, размагничивается. Но тут... Приколись, изображение мало того что живое, так еще и не совсем жопное. Херовое, но смотрибельное. Чудеса. Да похер. Блин, натурально привет из прошлого. Ты мелкий такой уродливый был. Впрочем, сейчас хуже.

Василий невольно улыбнулся, вспоминая съемки и как сияющая от радости Диана Романовна уговаривала их вылезти из речки.

— Оцифровать — не проблема,— сказал Толик.

— Ладно, я по квасу, ты по пивасу, — кивнул Василий. Толик руководил фотоателье, где, помимо прочего, реставрировали старые кассетные записи.

Они оба, хоть и по-разному, связали жизни с запечатленными на пленке и в цифре мгновениями. В этом влияние Дианы Романовны сложно переоценить.

Василий пять лет отработал в «Останкино», и до сих пор ему иногда снились длинные запутанные коридоры, где никогда не умолкало эхо шагов и ругани. На шестом году случилась... проблема, и он вылетел оттуда. Вернулся в родное гнездо, где его навыкам нашлось место на региональном канале, настойчиво державшем оборону против перехода всего медиаконтента в Интернет. Получал много меньше, но, если приплюсовать фриланс, на жизнь вполне хватало.

— Ау! Земля вызывает майора Тома! — сказал Толик, крутя колесико магнитолы.

— Да... Да... Так о чем ты?

— Мудак ее сын. Вот о чем. Я прямо спросил, собирается он хоть разок к ней на кладбище съездить, а он заменжевался. «Да, да, — говорит, — конечно». А я же вижу, брешет. Слушай, я сказал: так и так, мы с другом скинулись, памятник новый поставили, плитку у могилы выложили, а он: «Спасибо». И все. Спасибо. Мудак.

— Думал, он деньги за памятник отдаст?

— Пусть лучше в трубочку свернет и себе в сраку засунет. Уже дед, о вечном думать пора, а он не может к матери на могилу съездить. Мудло. Квартирку продает, внучкам надо на угол в Москве денюшку собрать. А на мать похер до сих пор. Если бы не он, Диана Романовна, может...

— Толь, нет, не может. Ты ее «сценарий» помнишь? Это же... Ну стремно, если честно. Мы детьми были, ничего не понимали, а она... болела.

— Но с нами-то находила отдушину! Она нас любила! Слушай, давай не будем о плохом. У меня идея...

— Мне она не понравится?

— Предстоит работа.

— Не понравится.

— Смонтируем фильм. Я не все отсмотрел, но там, походу, материал полностью. Это было бы... правильно. Вырежешь лишнее, пошаманишь там и... Зальем в Сеть, например! Слушай, сейчас это модно! Многие вспоминают кооперативное кино, любительские подделки тех лет. Ностальгия в моде! Если хоть кто-то посмотрит, что она придумала, хоть пара человек, это будет правильно. Слушай, то, что кассеты сохранились так хорошо, — знак, что ли, не знаю. Это правильно.

— Угу, а мы станем звездами экрана, как она обещала.

— Мы уже вряд ли, глянь, какое брюхо я отработал, а ты живой скелет. А вот те пацаны, которыми мы были... Почему нет? Или, если совсем все плохо получится, себе оставим. Как память. Но это ее мечта была, Вась. Снять настоящий фильм. И она сняла. Осталось смонтировать.

— Я понял.

— И что скажешь?

— Ты же не отстанешь, — сказал Василий, стараясь не подать виду, что идея пришлась ему по душе.

Шестой

...Общий план реки. Солнце играет на воде блестками. Смена кадра. На берегу сидят ребята.

«Деревенскую» часть записали буквально одним днем, поехав в деревню, где выросла Диана Романовна. Родителям они так и сказали: фильм едем снимать. Мама Васьки рассмеялась и хлопнула учительницу по плечу, а отец и мать Толика собрали им в дорогу небольшой пакетик. «Перекусите, киношники».

Приехали на место ранним утром на провонявшем бензином душном автобусе и сразу пошли к реке. Ребята прыгнули купаться, а Диана Романовна стояла у кромки воды, снимала их улыбающиеся рожи, не жалея пленки, только изредка покрикивала, что пора уже делать кино. Но, кажется, в тот момент она была счастлива не меньше, чем дети.

— Ну, вот и придумали! — говорит худой, вода отломанной веткой по песку.

— Да ну, глупости какие.

— Не глупости! Они ведь одни из главных на деревне! — *Василий вздрогнул от того, как убедительно это прозвучало.* — Если мы сильно-пресильно поверим, то они станут настоящими. Богами. Защитниками.

— Правда?

Смена кадра. *Тут Василий вырезал записку и то, как он, маленький, сверяется со сценарием, написанным от руки в толстой тетради, которую он прячет за спиной. Таких записок и сверок хватало по всему хронометражу.*

— Правда,— подтверждает худой мальчик.— Поверь. Это самое главное. Их всегда было трое. Петух, собака и свинья. С криком петуха приходит темнота. Собачий лай прогоняет чужих. А свинья...

Седьмой

...закончил под утро. Отсмотрел и результатом остался доволен.

Отпуск тек медленно, и Василия радовала возможность отвлекаться от мыслей, накатывающих в моменты безделья. Впервые за долгое время он занимался проектом, который ему искренне нравился.

Кино вышло коротким: двадцать минут. Но смотрелось занимательно, Василий ожидал, что будет намного хуже.

По-хорошему, проект готов. Осталось подправить звук и наложить музыку. Он уже пошарил по стокам и выбрал несколько композиций. Впрочем, большую часть времени отлично должны работать тишина и шорохи.

За чисткой аудио он хотел обратиться к знакомому звукачу, уже убедил Тольку хорошенько проставиться.

Еще фильму нужно придумать название. Диана Романовна этого так и не сделала.

Восьмой

...Москву к вечеру окутал туман. Среди белесого моря окна многоэтажек сияли потусторонним светом.

Василий приложился к бутылке и стал загнанным зверем ходить из комнаты в комнату.

На столе запрыгал телефон, выводя трели финской польки.

Василий подбежал, схватил мобильник. Звонили с работы. Наверняка просят выйти в выходные.

— Пошли вы...

Он раздраженно ткнул в красный круг и опять попытался дозвониться до Лены.

«Телефон не отвечает...»

Василий отбил жене сообщение.

«Так не делается!!! перезвони».

Подумал и добавил:

«Прости пожалуйста».

— С-с-сука... — прошипел он и упал на диван.

На подлокотнике лежал плюшевый мишка Вовки, розовый, с ярко-красным бантом. Цветовая гамма не для мальчика, но сын его обожал, не расставался. И пусть Лена собрала большую часть вещей, она обязательно вернется за игрушкой. Вовка не отстанет. Он без него очень плохо засыпал, кошмары снились, зато с игрушкой в обнимку дрых, не добудисься.

Надо уже с этим что-то делать. Взрослый ведь пацан!

Василий схватил медведя за шею, швырнул в стену, пнул игрушку и пошел на кухню.

Хлебал весь вечер и полночи, пока не заснул, уронив голову на стол.

Утром его разбудила настойчивая, повторяющаяся вновь и вновь финская полька.

Он нашарил телефон.

— Да... — Горло пересохло, в затылке раскатисто гремел набат.

— Василий Долгов? — спросил незнакомый мужской голос.

— Зависит от того, кто спрашивает.— Василий взял бутылку и влил в себя остаток водки.

— ...Звоню по поводу вашей жены и сына...

Девятый

...Проведать заболевшую Диану Романовну Васька пошел один.

Только недавно получил хорошенький нагоняй от родителей за целый букет двоек, но больше за попытку соскрести одну лезвием, так что ближайшую неделю ему сулило выходить из квартиры лишь в школу.

Догорало бабье лето, последние теплые деньки собирались рассыпаться засохшими листьями.

Васька взлетел по лестнице, потянулся и зажал круглую черную кнопку. Зачирикали птицы.

Диана Романовна не открывала долго.

Дверь наконец скрипнула, и Васька поначалу не узнал женщину на пороге. Она стала тенью себя прошлой, побледнела, лицо осунулось, а под глазами появились огромные мешки. Она посмотрела на Ваську и тепло улыбнулась.

— Здравствуйте! — сказал он.— Как вы? Только тоже хотел прийти, но...

— На пороге не стой, заходи.

Васька принялся расшнуровывать кроссовки.

— Мама тут вам собрала...

— Не нужно было...

Они вошли в комнату. На улице припекало, духота грозила родить дождь, но в квартире было холодно, Васька обнял себя за плечи, его взгляд скользнул по стенке, дивану, узорчатому ковру на полу и...

Он охнул, подбежал, упал на колени и не сдержал слез.

Рядом с диваном лежала разбитая камера. Васька аккуратно коснулся расколотой мечты и поднял глаза на Диану Романовну.

— Я... случайно уронила.

— Мне так жаль! Мне очень-очень жаль! Мы купим новую! Скинемся и...

— Скинетесь? — улыбнулась она.

— Да! Я знаю, что они дорогие, но купим попроще, не расстраивайтесь, и...

— Васёк-василек, я не расстраиваюсь. И ты не расстраивайся.

Васька кивнул:

— Фильм успели снять!

Диана Романовна села на диван, положила ладонь на голову Васьки и грустно сказала:

— Да, успели. Какой-то темный он у нас по сценарию, нет?

— Ужастик же!

— Да... Но в ужастиках героини обычно побеждают зло, а...

— Диана Романовна, — серьезно посмотрел на учительницу Васька, — ужастики для того, чтобы пугаться! И все.

— Знаешь, мне кажется, этот мир достаточно темный и без того... Нет просвета. И вот кого винить? Если это мы сами... вырезали из него все хорошее и упиваемся темнотой. Ножницами свет «чик-чик», и не замечаем больше. Кого винить в том, что, кроме темноты, ничего не остается?

Васька не знал, что ответить. Он не совсем понимал, о чем говорит Диана Романовна.

— В любом случае, — продолжила она, — кино пока не закончить. Я идеей загорелась, но ничегошеньки не продумала. Монтировать не на чем. Видак монтажный купить? Так я узнавала, там такие бабки... И не достать, даже если бы и были, если только из Москвы сына просить... Но денег нет, Васёк... Но посмотрим, придумаем что-нибудь. Если что, просто время хорошо провели. Вы там такие прикольные! А помнишь дядю Витю?! Ну, который колдуна играл? Как он над нами ухохатывался...

— Мы найдем... Я маму попрошу. У нее знакомый...